

Аргх

Владислав Март

18+

Владислав Март

Аргх

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70595707
SelfPub; 2024*

Аннотация

Фантастический рассказ. Люди, нелюди. Лёгкий налёт дистопийного фикшна и антиутопии.

Владислав Март

Аргх

Подсластитель Сочива наклонился к камнееду, подцепил сдирателем край боковой пластины и отодрал её от среднего брюха, медленно поворачивая изнанку к зрителям. В освободившемся от пластины промежутке оголилось желтоватое мясо камнееда. Мышечные стенки сосудов сжимались и разжимались, толкая оранжевую кровь вглубь, пряча её дальше от сдирателя в чреве большого брюха. Вскоре вся поверхность побледнела и на мясе начала формироваться новая серая пластинка. Зрители шире раскрыли свои дыры, пропуская свет Кольца, и замерли в ожидании нового хода Подсластителя. Он с достоинством запустил длинные пальцы в обычное жерло на плато, скомкал горсть сладости и бросил её на незащищённую часть камнееда. Раздался вопль, от которого плиты под плюсневыми лапами зрителей завибрировали. Свет Кольца померк на долю жизни, хоть на самом деле все знали, это была лишь экстатическая вспышка тьмы в дырах присутствующих. Эта игра собственных ощущений при виде начала смерти существа была как вдох после долгого пребывания под водой. Как необходимая тень в жару. Выдох крика камнееда опалил неосторожно оставленную кем-то двубортную накидку с маской для путешествия под светом звёзд. Жертва ударила челюстями о плиту пола и вонзи-

ла в неё свои верхние загнутые клыки. Тут же выдернув их с кусками камня, вонзила вновь и трещины разошлись под плюснами стоящих вокруг. Камнеед извивался в цепях безволия будто вовсе не было на нём цепей и визжал, как если бы в далёком мире треснула луна и этот звук сейчас донёсся до Зала пытки. Огонь свечей, выполненных из ног прошлых камнеедов, что испытали боль до этой ночи, потух от крика. Сладость, упавшая на жёлтую кожу, испарялась с шипением и пузырением. Что-то бесцветное потекло из вскрывшихся пузырей на пластины камнееда. Вены совсем обескровились и стали тонкими чёрными нитями, сухими прожилками прошлогоднего листа. Камнеед закрыл все свои веки как мёртвый и перестал биться о пол. Подсластитель Сочива поднял своё оружие и наладил его на следующей пластине. Сдиратель скрипнул и срезал большую часть грудной защиты камнееда. Под жёлтой кожей бешеным водопадом билось о внутренности большое сердце жертвы. Одобрительный гул разошёлся по зрителям. Захлопали лопаточные кости, застучали локтевые когти о пол, все требовали продолжения. Ибо мало есть, если вообще существует, более захватывающее зрелище, чем замучить камнееда методом пытки его грязью из жерла. Но только Подсластитель Сочива может накинуть цепи безволия и сделать из простой грязи испепеляющий яд сладости. Лидер защищает их род от камнеедов. Лидер творит историю.

Пересказывать подобные сны мне было некому. Коман-

дировка затягивалась и обростала той бессмысленной потерей себя, что знакома всем, кто находится не на своём месте. Утро. Сухое душное отельное утро на бесформенной подушке. Будь их хоть четыре штуки они не держат голову так как надо. Гостиничный завтрак. Он был так приятен и свеж три дня назад пока не пришло понимание, что он одинаков каждое утро. Омлет, бекон, овощной салат, булочка с абрикосовым повидлом и кофе. На самом-то деле великолепный здоровый и сытный завтрак. Но он одинаковый каждый раз. Это один и тот же завтрак каждый раз. Начинаешь присматриваться и замечать помидоры и яблоки со вчерашнего утра, подозревать, что и бекон пожарен не сегодня, трогаешь омлет вилкой с некоторым презрением. А когда они меняли кофе в этом огромном самоваре? Хороший завтрак. Это просто я плохой. Всё мне не так и всё не в тот момент. Я сижу здесь почти час, делая подход за подходом к несвежим булочкам с абрикосовой начинкой лишь бы не выходить в стужу этого города, к крохотному метро, к посыпанному рыжим песком ледяному пути на работу. Где меня никто не ждёт, где я чужой и временный. И чтобы я им не говорил, какие бы тренинги не включал, всё будет выкинуто и забыто лишь стоит мне положить сумку на полку в купе поезда. Меня не ждали, не звали и не уважали. Это просто терпение корпоративной культуры. Я нахожусь на таком критическом расстоянии от офиса, что ещё один шаг и вовсе исчезнет значение моей должности. Здесь, в полях, слишком далеко от принима-

ющих решение, я исполняю роль того гонца, что ещё не уверен отпустят ли его живым. Новость, которую принёс гонец, ещё не оценена полностью и, возможно, как и во все прошлые времена, локальный правитель убьёт посланца в угоду минутному желанию утолить эмоцию гнева. Помня об этих вещах, я аккуратно исполнял свои командировочные дневные обязанности и мучился от кошмаров по ночам.

Вернувшись от раздаточного места я нашёл за своим специально выбранным далеко стоящим квадратным столиком незнакомца в ретро пиджаке. Мужчина присел несмотря на оставленный мной телефон и чашку кофе как знак занятого столика. Новенький мог бы выбрать из трёх совершенно точно свободных столов слева от моего, но поставил свою тарелку на занятый. На мой. Я чуть ускорил шаг и собирался взять телефон и уйти в другой конец зала ресторана. Однако незнакомец заговорил.

– Простите моё вторжение, я хотел не просто сесть к вам, а попросить о небольшом одолжении, попросить о помощи, – мужчина расположил свою тарелку с горкой еды точно в центре столика. Ни приборов, ни напитка он ещё не принёс. Такое вежливое и долгое обращение поставило меня в неловкое положение. Уже коснувшись мобильного, я не ушёл, а сел на прежнее место. В конце концов по-настоящему я закончил завтрак. Мне просто нужно было тянуть время до выхода, потому что просыпался я рано, а работал близко от гостиницы. Не хотел приходить заранее поскольку тогда бы

тратил всё время ожидания начала тренинга на выдумывание гнусных вещей. Наблюдения за гнусными людьми. Так я развлекался во второй день, когда понял тупиковость моего задания и избыток своего негодования в связи с этим.

– Простите меня ещё раз. Я живу в этом отеле, как и вы, вижу вас за завтраком по утрам. Я подумал, что вы сможете мне помочь, – непрошенный собеседник держал руки над своей тарелкой словно грел ладони над горячей пищей.

– Вы здесь в командировке? – начал я в свою очередь разговор и поставил-таки чашку, третью за этот завтрак. Постарался не коснуться своим блюдцем тарелки мужчины. На ней было навалено необычно много селёдки. Думаю, что он забрал всю селёдку со шведского стола.

– Здесь в командировке, – эхом повторил сидящий, – в командировке, дорогой человек. Меня зовут Иофис.

Я решил, что мне послышалось, он вероятно произнёс – Иосиф. Как бы там ни было, в обоих вариантах имя было исключительно редким. Я не знал ни одного Иосифа в жизни.

– Редкое имя, – я стал пить свой кофе.

Мужчина, словно не услышал и приступил к приёму пищи, который удивил меня больше его имени. Высокий и худой, с длинными предплечьями, с локтями, поставленными на стол, он взял пальцами обеих кистей кусочки селёдки и начал их засовывать в рот. Масло стекало у него по мизинцам. Кусочек за кусочком отправлялись в небольшой рот. Это было странно и некрасиво. Внутрь человека напротив

меня отправились десятка два долек рыбы без гарнира или хлеба. Порезанный лук он игнорировал. Чудак вращал своими кистями как богомол, тарелка-рука-рот-тарелка, и, по моему, не жевал селедку, сразу её глотая. Может быть он немного её посасывал. Я откинулся на спинку стула так что едва не разлил напиток придав столу волну движения.

– Здесь отличный завтрак, однообразный, но отличный, – длиннорукий прикончил всё. Я не знаю почему не ушёл. Случился такой тупой гипноз, в котором замираешь и теряешь мысль. Примерно, как мои коллеги на тренинге.

– Признаюсь, я не раз подхожу к шведскому столу, я люблю поесть. Заметил, что вы тоже.

– Угу, – я держал чашку у рта чтобы не прокомментировать нечаянно увиденное своим излишне изобретательным желчным юмором. Селёдкоед. Жирные пальцы. Бр-р-р.

– Так вот, представляете, вы можете мне помочь. Я хотел попросить вас отдать мне кое-что, – худые кисти повисли, капля масла упала с них на салфетку. Мужчина улыбнулся как улыбаются маньяки в американском кино. Излишне искренне и глядя мне глаза. Такое сочетание подвело черту под моим терпением.

– Мне пора идти, – я поставил кофе, встал и пошёл к выходу из ресторана. Нечего наблюдать за этим странным типом, я заключил, что он просто опасный дурак. Уходя я услышал, как он повернулся, скрипя стулом о пол и сказал мне что-то вроде: «Отдайте мне свой горох». Или гараж. Сказано это

было спокойным тоном. Проходя мимо работника отеля у выхода, я слегка обернулся, не идёт ли за мной чудак. Он остался сидеть спиной к проходу и не преследовал меня. Пока я ждал лифт наверх чтобы переодеться в номере перед работой, я повторял увиденное и услышанное. Мне не показалось. Просто в мире много странных людей и часть из них сегодня собралась за завтраком в моём отеле. А другая часть ждёт мою лекцию. Если я продолжу ездить в такие бессмысленные командировки, то тоже начну развлекаться, приставая к людям. Ведь я уже хожу по ресторану с тарелками туда-сюда. Наливаю кофе без конца. Соскребаю абрикос с булочки. Осталось начать спрашивать про горох.

Тренинг шёл туго. Я чувствовал себя египтологом объясняющим иероглифы дояркам на ферме в Краснодаре. Все, включая руководителя, делали такое лицо: «Рассказывай-рассказывай, раз это прописано в политиках, всё равно, когда случится всё то, о чём показываешь слайды, мы тебя вызовем и сам будешь разгребать». В зал, где я четвёртый и последний день стоял и махал лазерной указкой постоянно кто-то заглядывал, входил или стучал. Лампа на потолке начала трещать, но я кажется был единственным кто заметил. Вся аудитория сидела в одинаковой позе. Ноги, съехавшие под стол, голова и шея, склонённые вниз, почти к коленям, мобильный в правой руке и редкие движения левой, поправить волосы или выпить воду. Сегодня здесь были в основном женщины. Нашествие бухгалтеров и ассистентов.

Кадровики и связи с общественностью. Один из слайдов завис, заморозился на экране, и я продолжил рассказывать не переключая дальше. Никто не заметил. Я говорил и одновременно представлял что-то страшное и забавное. Как из экрана каждого телефона к лицам сидящих потянется расплавленное щупальце пластика, коснётся волос и прилипнет. Одновременно обжигая пальцы и капая раскалённым стеклом на ноги, на промежность. Все начнут прыгать на стульях, махать ладошками с прилипшим вязким мобильником, кричать, мотать головой пытаясь сбросить щупальце с волос. В итоге телефон слетит вместе с большой прядью, частью скальпа и кожей пальцев. А каждая из женщин будет орать, глядя на свою содранную с ладони кожу и хвататься за лицо, по которому бежит кровь. Отдельные волосы и парики загорятся. Комната наполнится запахом горячей плоти. Людей начнёт рвать прямо на пол. Абрикосовым повидлом. Одна из тёток побежит открывать окно пачкая кровью подоконник, откроет его, но в желании вдохнуть больше свежего негорелого воздуха отчего-то перевесится слишком сильно и выпадет наружу. Её крик с улицы будет сначала громким и яростным, а затем стихающим до стона и потеряется в гуле шин от дороги.

В зал зашёл опоздавший заместитель директора и с видом, что так и задумано, сел в первый ряд. В этот момент у меня снова заработало переключение слайдов, а на потолке затрещала вторая лампа. Замдиректора достал из кармана пиджака

ка огромный телефон, практически планшет и принял положение, как и у всех здесь. Я отвернулся от зрителей и продолжал, глядя на собственные таблицы, отмечая про себя, что шрифт хорош. Новая мысль родилась, даже не глядя на первый ряд. Отчего бы ему, опоздавшему, не выронить свой гаджет, гигантский гаджет начальника, наклониться поднять его, но вместо того, неуклюже выпасть из кресла на пол головой вперёд. Упасть прямо на телефон, который застрял вертикально в щели паркета. Упасть ртом так чтобы мобильник вошёл в голову до самого мозжечка. Замдиректора на четвереньках стоял бы и орал кровью в пол. От телефона расходилась бы красная лужа. Потом начальник поднялся бы во весь рост с телефоном во рту, повернулся окровавленным лицом с закатившимися глазами к своим работникам и упал на второй ряд уже без сознания. От него тараканами разбежались бы бухгалтера, сталкиваясь и крича. И одна наступила бы каблуком на голень второй сдирая кожу как чулок металлической набойкой...

– Сейчас по расписанию у нас перерыв полчаса. После мы продолжим. Новый СОП и ответы на вопросы.

Я сказал это и первым вышел в коридор. Мне показалось этого мало и чтобы избавиться от людей с мобильными, я вышел на улицу. На многополосную дорогу со спешащими китайскими авто. Недалеко, с моей стороны улицы, дорогу пытался перебежать мужчина в бейсболке. Он метался в потоке целясь в промежутки движения, все вокруг материли

его.

– Как думаете, что дальше произойдёт? – кто-то за спиной заговорил.

– Я думаю его сейчас собьёт машина и он отлетит на встречную полосу, там его собьёт вторая и отбросит снова к нам, затем ещё раз собьют и тело отлетит к троллейбусу. Так машины и будут играть в пинг-понг с ним до светофора.

Я отвечал совершенно спокойно, смотря как «бейсболист» рывками преодолевает последнюю полосу и исчезает за остановкой на дальней стороне. Обернувшись я увидел утреннего селёдкоеда. Высокий и худой, с руками до колен он стоял колом в двубортном костюме и открыл рот собираясь продолжить разговор.

– Э, это похоже на преследование, – я развернулся и решил уйти в подъезд офиса.

– Пойдите полминуты, дорогой человек, – длиннорукий сложил верхние конечности в какую-то молитвенную комбинацию и улыбнулся своей кошмарной улыбкой психопата.

Я вошёл в дверь-вертушку возвращаясь к работе. В след мне долетело: «Передайте мне ваш гаарх». Дверь повернулась. Он не зашёл за мной. Через стекло я посмотрел как он продолжает стоять сложив руки на груди. Я вернулся к нему на улицу.

– Что вам надо? Кто вы такой? Убирайтесь отсюда, я позову охрану! – подошёл к нему близко и борзо. Мне отчего-то захотелось ударить его коленом в живот. Я реально был го-

тов это сделать.

– Меня зовут Иофис, мы же знакомы, – улыбка не исчезла у него с лица.

– Давайте поговорим, когда вам удобно, позже, я подожду, – руки снова опустились проволоками до колен.

Он был одет как худеющий от рака Стив Джобс, в облегающем костюме и водолазке, почти чёрный, какой-то убогий и бледный. Лицо походило на маску из иллюстраций про греческую трагедию или комедию, такая застывшая понятная, но оттого неестественная комбинация морщин, глаз и рта. Так выглядели бы научные сотрудники в экранизациях Стругацких. Эти его руки напоминали аппарат по доставанию игрушек в торговых центрах. Ненадёжные, складные, с большими промежутками между пальцами, холодные, тонкие, с пружинными суставами.

– Гааргх? Только это. Ах, тогда давайте поговорим, – внутренняя ухмылка-улыбка появилась на обратной стороне моего настроения.

Я подумал, что это опасное, но интересное нечто. Приключение. То, о чём я буду рассказывать друзьям дома у камина. Когда у меня будут друзья и камин. Когда я закончу эту треклятую командировку. Не про неё же рассказывать. Всё ж куда как интереснее моей презентации. Вперёд, странный новый знакомый, веди меня в свой сумасшедший дом. А я приведу тебя к месту своей унылой работы.

Мы вошли в офис и я проводил Иофиса в переговорную

рядом с местом тренинга. Там была кофе-машина и одинокая конфета в вазочке. Что-то местное, вроде «Мишки на севере». Я поговорю с длинноруким, поговорю через час, сразу как освобожусь. Если ему так надо, найдёт чем заняться и обождёт. Здесь, в офисе, много людей, охрана, пожарная сигнализация, мыло в туалете. Что может случиться? Не хочется только вместе возвращаться в отель. Поеду в центр, отвяжусь от гостя.

Загудел вентилятор проектора и слушатели, опаздывая кто на две, кто на десять минут занимали свои места-кинотеатры. Только кино был для них не я, а интернет в смартфонах. В дальнем ряду, молодой человек лёг на столик и накрыл голову руками, возможно даже уснул. Да, я не рассказывал ничего интересного для него. Обязательность тренинга убивает всякий интерес. Я понимаю тебя, незнакомый отдыхающий. Но как же хочется, чтобы квадрат лампы над тобой с четырьмя люминесцентными трубками вдруг откинулся и прямо на макушку упал толстый чёрный провод. Мужчина молча затрясся бы в конвульсиях, распрямляя своё тело под действием сильных мышц-разгибателей. Разогнул позвоночник и руки до степени гимнастического мостика, перевернулся бы на парту позади и забрызгал кровавой слюной последний ряд. Затем провод отошёл бы от макушки, а жертва как зомби сделала бы несколько шагов в центр зала распространяя запах жжёных волос, остановилась бы в середине прохода, обмочилась и упала навзничь. Голова бы уда-

рилась об угол стола и треснула как переспелый гранат. Этот звук наполнил бы звук треска телефона, на который нечаянно наступили ногой.

– Вопросы есть? – завершающий слайд и я с ним зависли в молчании. Проектор испустил затяжной гул.

– Если вопросов нет, благодарю вас за внимание. Запишите e-мейл, на который нужно до первого числа выслать скан подписанной формы прохождения тренинга. В обратном письме от меня вы получите дополнительные файлы для самостоятельного углублённого изучения, если это необходимо вам по служебному функционалу.

Тётки стали расходиться, бормоча «спасибо». Замдиректора подошёл пожать руку, но так и не смог выдавить из себя ни вопрос, ни благодарность, а только лёгкий кашель курильщика мне в лицо. Комната остывала от тепла тел. Привыкала к тишине. Кажется, и столам, и стульям, как мне, хотелось очиститься от тяжёлой плоти сидящих. Я собрал вещи в рюкзак и скоро вошёл в переговорную. Сразу налил кофе и сел. Иофис не притронулся к конфете, сахару, но кофе пил.

– Давайте. Начинайте. Только без цирка, – я сел в позу равнодушного слушателя. Как моментально поменялась моя роль. Возьму в руки телефон и стану вылитый кусок мяса замдиректора. Примерно половина от его объёма-массы.

Гость зашевелил длинными пальцами отставляя чашку и словно разминался, несколько раз открыв и закрыв рот. Начался монолог, странная речь далёкая от ежедневной рuti-

ны, точно моя лекция для бухгалтера.

– Уважаемый человек, прошу не прогоняйте и не перебивайте меня. Вот что я должен вам сказать. Прежде всего это. Синхараргх – это высшая гармония моего мира. Синхар-аркх, так произносится. Это делает жизнь существа полноценной и одухотворённой. Единицы имеют это знание и приобретают его в течение жизни дано не всем. Отчасти потому что синхараргх обычно является врождённым свойством существа. Тем, кто его не имеет от рождения, а таких абсолютное большинство, предстоит развить или приобрести синхараргх. Вторая сложность, высшая гармония является составной материей, комбинацией трёх слагаемых и не получится воспитать в себе всё сразу. Син, хар и аркх – полноценные части и могут являться существу отдельно или по два. Часто существо рождается и вовсе без них. Только прожив жизнь целенаправленно и с особой духовностью, в чём должен помочь специальный наставник, можно возвысить в себе одну из частей синхараргх. Если существо ещё и родилось с врождённой частью гармонии, то к завершению бытия оно может предъявить миру два компонента. Три встречаются крайне редко. Такие существа становятся легендарными лидерами, пророками или творцами вечного.

Кофе показался мне кислой водой, я поставил его на стол. Иофис продолжал, немного жестикулируя пальцами, словно барабанщик палочками.

– Син – это способность существа сознательно разрушать

другие существа или направлять их жизненный цикл к разрушению, или бездействовать в моменты, когда от обладателя син зависит сохранение чужого существа. Син влияет не на всё живое в мире, а только на то, что отличаются от носителя син незначительно. На сколько именно, мудрецы до сих пор спорят. Общее положение, что син влияет на тех, кто отличается менее, чем на половину своего наследственного кода. Другая школа мудрецов пишет, что сходство должны быть не менее 66,6%. Истина где-то в этом диапазоне. Так как на син оказывает влияние хар, то точное число надлежит вычислять с учётом обоих компонентов, а они есть, как вы поняли, далеко не у всех, что затрудняет анализ. На бытовом уровне могу объяснить так. Ваше син проявится в отношении, к примеру козла, но не проявится в отношении кактуса. Поскольку к козлу ваш наследственный код ближе. Мы так и учим своих отпрысков первой ступени, упрощая философию синхараркх до примитива. Животные существа из плоти и крови подчинятся син, растительные существа, питающиеся только водой и светом Кольца – нет.

Хар, вторая составляющая гармонии, что каждый жаждет иметь. Само по себе хар – это сочетание силы, скорости и ловкости. Обладатели хар от рождения становятся атлетами и воинами, преуспевают в игрищах и отличаются хорошим здоровьем. Им легко живётся, поскольку их минуют мелкие непотребства вроде сложности перенести тяжёлое с места на место или потери хрупкой любимой вещи. Существа с хар

всё подхватят в последний момент, везде успеют и хороши там, где нужна сила. Однако, простое владение хар не очень ценится. Оно в общем бесполезно в периоды мирного времени и спокойного интеллектуального труда. Хар не делает умнее и не увеличивает удачу и достаток, удовольствие от жизни или её длительность. Только качество существования в некоторых аспектах. Но если хар встречается у сущности с син, то всё меняется. Хар начинает работать иначе. Хар делает син постоянным свойством существа, увеличивает силу син, частоту его применения и, позволю себе такую аналогию, радиус применения син. Владелец хар и син может вести существа к разрушению в любое время, а не только в особенно благополучные периоды, которые определяются фазой Кольца и возрастом существа. Эти детали можем обсудить позже. Син плюс хар воедино позволяют часто, сильно и далеко распространять волю существа вести других по разрушительному пути. Если син это наконечник копья, то хар это его древко. Владатели этих двух компонентов становятся лидерами кланов и могут защищать своё наследие и преумножать его.

Горечь кофе, его кислотность, отозвались в моём желудке, чем-то неприятным. В гостинице у меня должен быть омепразол. Я стал теревить единственную конфету на столе. Что-то понятное и лучшее из того, что было в нашей комнате.

– Аркх – самый редкий компонент синхараркх. Его нельзя

воспитать в себе практиками и поучениями мудрецов. Аркх – врождённый модуль. Мы до сих пор не знаем всех его аспектов, как именно он меняет возможности духовного существа, если в нём уже есть син или хар. Из каменных Колонн мы уверенно знаем, что аркх творит если у существа уже есть син и хар. Как сообщают вмятины на Колоннах памяти, обладатель всех трёх частей гармонии меняется необыкновенно. Дело в том, что существо с син и хар хоть и может разрушать по своей воле других, делает это каким-то своим собственным способом. Именно по нему существо и входит в летописи. Сильно упрощая, попробую объяснить на примере последних владык син и хар. Комок Рёбер, правивший моим кланом три смены цветов Кольца назад мог на расстоянии взгляда сминать рёбра существ в комок. При этом рёбра протыкали внутренности существа вызывая кровотечение и останавливая дыхание. Владыка управлял скоростью этого сжимания и мог разжать рёбра в исходное положение сохранив цикл жизни. Он умел моментально схлопнуть рёбра сотен врагов в битве или одного единственного предателя. Для этого достаточно было подойти на расстояние взгляда. Комок Рёбер возвысил наш клан, но всегда и везде он повелевал только через хруст и деформацию грудных костей. Потому что у него не было аркх. Другой правитель, Желчный Глаз, обладал син с рождения и развил в себе хар после долгих лет обучения в месте знаний. На расстоянии броска копья, он мог наливать глаза существ изнутри желчью от-

чего те слепли или даже получали взрыв глаза. Правитель мог взорвать глаз внутрь головы и убить мозг существа или просто затуманить зрение. На расстоянии дневного перехода он влиял на зрение любого существа делая зрительное поле жёлто-зелёным как желчь. Часто это оставалось у жертвы на всю жизнь. Благодаря Желчному Глазу мы также расширили свои владения и подчинили множество племён. Оба владыки были безусловно могущественными духовными лидерами, управлявшими в себе син и хар на благо тех, кто был на их стороне. Между нами говоря, подобные владыки часто несут син и хар и на близких, но сейчас не об этом. Это судьба столь великих существ. Оба они жили без аркх. Если бы им бы дано от рождения свойство аркх, то они не стали бы Желчным Глазом и Комком Рёбер. Они могли бы нести повреждение множеством способов, разные, любые, как глясят вдавления Колонн, были бы им подконтрольны. Аркх даёт силу разнообразия, гибкости решений, творчество нести существам разрушительное наставление. Хочешь лопни живот, а хочешь задуши тоской. Аркх вероятно усиливает син и хар. Поскольку в отдельных каменных летописях указано, что великие правители прошлого жившие в полной гармонии синхараркх управляли не только своим, но и чужими мирами. Вели к разрушению народы, которые даже никогда не видели. Такова полная гармония синхараркх.

Речь вероятно завершилась, поскольку Иофис успокоил длинные пальцы, сложил кисти и руки в сноп на груди. Без

долгих пауз я включился в игру.

– Разрешите теперь и мне высказаться, – я начал после небольшого мучения конфеты, убедившись, что собеседник сказал то, что хотел.

– Я услышал, в вашей фантастической сказке, что син – это чистое зло. Этот навык мне знаком, по-моему, люди в нашем мире, на Земле, имеют это качество врождённым и в отличие от ваших сородичей всю жизнь с учителями и наставлениями, книгами и монастырями, изживают из себя это зло. Годы уходят и не у многих получается. Мы рождаемся хищниками и целой жизни недостаточно порой чтобы перестать нести зло ближнему. Ваш хар, если я правильно запомнил, это какой-то ускоритель или катализатор зла. С ним вы не просто давите тараканов или подсовываете мусор соседям под дверь. С ним, с хар, вы кидаетесь кирпичами из окна и пускаете под откос поезд с детьми. Так я понял? А ваш этот аркх... Это, пожалуй, то, что наши поэты звали злым гением, творчеством, вдохновением, то что присуще натурам избранным. У нас говорят, что гений и злодейство две вещи несовместимые. Видимо, в тех случаях, когда это не так, это и есть аркх. Мне кажется я понял концепцию вашей жизни, ужасного мира, в котором вы убиваете своих и чужих. Мне неприятно, что я всё это знаю теперь. Не говоря уже о чувстве, что я болен и мне всё это привиделось, не говоря о таких страшных и несвоевременных словах как шизофрения и галлюцинации. Если это не так, я здоров. А вы – нет. Ес-

ли я слышал монолог, который я слушал. Всё печально с вами. С миром вашим и прочими синами и харами. Остаётся неловкий и страшный для меня вопрос. Почему вы мне это рассказываете?

– Отдайте мне ваш аргх, вернее гааргх. Он вам ни к чему. Это не работает под вашим Солнцем. Я очищу ваш гааргх, выделю из него аргх и отнесу своему повелителю. Под светом Кольца аргх даст ему завершить гармонию и стать великим владыкой ради процветания нашего рода.

– У меня ваш аргх? – я перестал бояться, чувствовать отращение, непонимание и неприязнь к Иофису. Мне стало всё равно. Наверное, во мне отразилась та гармония из его рассказа. В стенах переговорной я полагал себя неким специалистом, проводящим интервью. Иофис был зависимым, слабым, просящим кандидатом на какой-то договор. Я убедился, что сила на моей стороне.

– Это у вас от рождения. Вы верно подметили. Люди имеют зачатки син и хар, но в неактивной форме. Солнце, свет, не дают проявиться гармонии. Вы живёте несчастными и ограниченными из-за Солнца. Аргх крайне редок. Не исключается, вы родились с ним, но никогда не сможете использовать по-настоящему. Солнце... Если вы не хотите подарить мне его, я могу обменять.

– На что? И, кстати, как выглядит передача аргх от меня вам?

– Это просто выйдет из вас, а я заберу, – Иофис улыбнулся.

ся своей адски дебильной улыбкой, шире обычного, так что кривые заострённые зубы показались из-под верхней губы, – я заберу и больше вас не побеспокою.

– Ну, что ж, раз такое дело, – я наполнялся властью над собеседником, что склонился над столом глядя из-под бровей, улыбаясь как пациент после лоботомии, – Давайте, предлагайте, что там у вас. Как вы меня убедили, аргх – ценнейшая вещь. Я не должен заметить её пропажу, с ваших слов, пока светит Солнце, но... У нас тут под Солнцем не принято ничего отдавать даром, только брать, хе-хе.

– Я это знаю, уважаемый человек, я готов предложить несколько вариантов.

Он выпрямился как менеджер перед клиентом и сидя теперь с ровной спиной и невыразительным лицом-маской продолжил меня забавлять новой историей.

– Лучшее что могу предложить для дорогого человека в обмен на аргх это ткань для победы над тоской. Это такая...

– Обождите-обождите, Иофис! А как же деньги, слава, власть, вы что не учили там в своём Кольце, что нам, человекам, нужно?

– Под Кольцом.

– Ок, под. Есть такое предложение? Про деньги? – я вовлёкся в игру по полной программе.

– Дорогому человеку следует знать, что я не могу передавать предметы, только способности, выраженные в физических тканях. Деньги, золото, это не можно.

– Дайте мне способность находить деньги или выигрывать в лотерею.

– Извините, бесценный человек, позвольте предложить лучшее. Это будет лучше денег. Выслушайте меня, – Иосиф начал тянуть рот в кошмарную улыбку хэллоуинской тыквы, чтобы предотвратить это я умолк.

– Ткань победы над тоской. У вас в области подкожной клетчатки сформируется очень тонкий слой, позволяющий не поддаваться тоске, унынию, моральной смерти, наваждению скуки, апатии, скованности и сходных состояний.

– Встроенный антидепрессант?

– Это тоже. Победа над тоской миллионами лет создавалась нашими врагами. Мы изъяли эту мощную способность сдирателем и теперь можем её предлагать вам. Человеку очень нужна победа над тоской.

– Не поспоришь. Но как-то мелко. Что за суперспособность? Слышали про единоборства, секс, удачу, бессмертие? Что-то из этого рода можно улучшить, усовершенствовать?

– Возможно, драгоценного человека заинтересует ткань победы над болью?

– Встроенное обезболивание?

– И это тоже. Но тончайшая материя сделает вас нечувствительным к физическим, эмоциональным страданиям и страданиям окружающих, если у вас с ними эмпатия.

– Хм. Не так уж вы цените свой аркх...

– Но, позвольте, дорогой человек! Это бесценные дары с

моей стороны. Справедливый обмен. Могу предложить ещё частицу победы над страданием.

– Чем отличается от обезболивающего?

– Имеется ввиду чужое страдание. Когда кто-то не имеющий с вами эмпатической связи получает повреждение, страдает, вы не только не будете чувствовать себя плохо от того. Вы будете испытывать счастье, благодать, душевный подъём.

– Садизм что ли...

– И это тоже, но намного благодатней. Согласны на обмен?

– Подождите, дорогой, подождите Иофис... Я правильно услышал, что денег не будет?

– Изумительно верно, человек.

– И всякого бессмертия, здоровья, сумасшедшей удачи?

– Не будет, человек.

– А как отдать вам аргх напомниме, само выйдет без проблем?

– Точно говорите. А то, что выберете взамен войдёт без боли и отчаяния.

– Хорошо... Без отчаяния. Плюс вы исчезаете из моей жизни и не приходите завтра ни в ресторан, ни в офис, перестаете называть меня человеком и такое прочее, так?

– Всё так. Дорогой, че...э-э... Да.

– Окей. Я беру всё. Ваши антидепрессанты, обезболивающее и это счастье, когда кто-то плачет. Я же не потеряю рас-судок от такой комбинации?

– Не потеряете. Более того, скорее всего ткани сольются в вас и, я не уверен, Солнце я знаю недостаточно хорошо, но я почти могу поручиться, что при слиянии возникнет дополнительный бонус. Так у вас говорят.

– ?

– Это будет связано с повышением выносливости, закалкой, возможно увеличится плотность костной ткани. Какой именно аспект затронет я не скажу сейчас. Могу уточнить, когда зайду завтра за аргх. Зайду?

– Мы ещё увидимся?

– Нужно же мне забрать аргх. И передать все новые ткани для вас. Договорились?

– Ай, давай уже закончим, – я махнул рукой в сторону гостя. Я устал. Тренинг, кошмары и дураки. Пора домой, пора на поезд. Скоро новая командировка. Может быть в Архангельск, хе-хе. Мой собеседник не знает, что утром меня и след простынет.

Иофис встал быстро как распрямившаяся пружина, едва не испугав меня и подошёл к моему краю стола, вокруг которого мы сидели всё это время. Он вдруг выставил перед собой свою руку, долгую как швабра и легонько ткнул меня в грудь, примерно в области сердца. Затем отшагнул, наклонив голову, с похожим на почтительное извинение жесте подбородком. Я не почувствовал боли. Просто я не люблю контактов с телами людей такого рода.

– Всё, – сказал тыкнувшийся меня пальцем Иофис, – зав-

тра я зайду в ваш номер на минутку забрать аргх и занесу ткани побед.

Я решил больше ничего не говорить, помог гостю выйти через турникет офиса. На крыльце подождал пока он уйдёт достаточно далеко и затем повернул в другую сторону, по счастью, это была сторона метро «Московские ворота». Сторона, позволившая мне скоротать день глядя на мерзких туристов всё никак не падающих в канал Грибоедова головой вниз, на толстый лёд ожидающий их черепные кости.

После возвращения в отель, с позднего вечера меня стало мутить. Состояние знакомое каждому накануне гриппа или другого вируса. Продрома. Настроение ушло. Во всём теле появилась мышечная слабость, странно сочетающаяся с резкими движениями при любой нервозности. А нервозность всё нарастала. Дыхание стало горячим, кожа потливой, душ не принёс никакого релакса. Температура воды казалась то слишком холодной, то слишком горячей. Хотелось только одного – забраться под одеяло, под два одеяла и проснуться завтра будто не было этого предчувствия болезни. Уже оказавшись под душным гостиничным покрывалом, я понял, что события ускоряются. Лёгкая дрожь и затуманенность мысли. Жажда. Желание привести ноги к телу и отключиться. Но уснуть не вышло. Дважды я вставал пить горячий парацетамол и каждый раз возвращался под одеяло более больным, чем из-под него вышел. Когда стихли за окном звуки города добавилось чувство отёка, напряжения в

левой грудной мышце. Как будто я занимался спортом и растянул её. В положении на левом боку она казалась каменной как после когда-то любимого жима от груди, но каменность эта была болезненной. Плотный отёк, словно силикон встали. Кожа на груди была горячей. Движение руки ограниченным. И без того бессонная ночь стала невозможной на левом боку. Подушка медленно промокала потом от волос. Простынь и одеяло скатывались в бесформенный конгломерат. Беспольный отсчёт времени до утра нагонял страх. Едва отключившись, как мне показалось на час, я подскочил от неприятного чувства тяжести в груди слева. В моей отёкшей мышце натурально сидел «камень». Я мысленно материл Иофиса, да и себя конечно, за то, что дал прикоснуться ко мне пальцем. Именно это место теперь было очагом жара, повышенной чувствительности, ограничения моего положения в постели и какой-то глубокой мышечной болью. Я встал, наблюдая, что рассвета нет и подошёл к зеркалу ванной комнаты.

На моей левой груди, повыше сердца был сильный отёк, яркое розовое воспаление кожи, а в центре него, как второй сосок, блестел синюшно-багровый очаг с белёсой шапочкой. Карбункул, поставил я себе диагноз, вспомнив какое-то страшное хирургическое слово. Я попробовал лимфоузлы под мышкой и на шее, осмотрел язык и глаза. При таком огромном, вероятно гнойном очаге, никаких прочих изменений не было. Я отметил, что и озноба с потливостью тоже

нет. Всё теперь сосредоточилось слева под ключицей. Удивляясь тому, что острой боли почти нет, я всё же осторожно сдавил карбункулоподобное воспаление пальцами обеих рук. Кожа удивительно легко раскрылась, порвалась на месте снежной вершины-возвышения в центре красной кожи. Из образовавшейся дыры с копейку размером стала выходить молочного вида жижа с примесью крови. Тяжесть и отёк сменились облегчением. По-прежнему почти безболезненно я надавил со всех сторон и тут же вынужден был схватить первое попавшееся полотенце. Кефирная жижа, объёмом около рюмки коньяка вылезла из меня. Я надавил третий раз уже полотенцем и вытер об него пальцы и кожу на груди. Далее через огромную пору вяло текла кровь, жижа закончилась. Я положил испачканное полотенце у зеркала и залепил свою рану стопкой бумажных салфеток. Вымыл руки и наблюдая как медленно промокают прилипшие салфетки на груди почувствовал себя в норме. Сонливость ушла, захотелось пить. Я сделал чай из пакетика и отдельно с водой растворил очередной парацетамол. Хуже от него не будет, а польза вероятна. Выпить лекарство я не успел.

В дверь тихонько постучали. Не так как стучат горничные. То было скорее поскрябывание по двери, чем стук отдельными маленькими ударами костяшек пальцев. Я набросил халат поверх моей раны и почти голого тела, полулюкс как-никак, халат имеется, и открыл. На той стороне стоял Иофис, одетый в ту же городскую магию пиджака, джинсов и водо-

лазки. Только сейчас я отчего-то пристально рассмотрел его лицо. Бледное, без щетины, с редкими светлыми волосами, достаточно длинными чтобы они распадались на куцый пробор. Подбородок и скулы заострённые, как его длинные локти, неровный рот и брови домиком. Морщины его неопределённого возраста походили за зажившие первичным натяжением раны. Были прямыми с периодическими поперечными метками, как бывает после снятия швов какое-то время. За его спиной кто-то провёз по полу чемодан на колёсиках, за моей спиной сквозь щель шторы показался восход.

– Я пришёл чтобы забрать гааргх, извольте принять ткани побед, – стоящий на пороге передал длинной рукой стакан с непрозрачной жидкостью, вторую руку он также выставил, вероятно, ожидая что я ему дам аргх.

Мне вспомнилась в деталях больная ночь, выдавливание из себя какого-то молока и я невежливым жестом взял его стакан и поставил на полку у сейфа. В пустую просящую руку принёс ему своё испачканное полотенце.

– На! Думаю, что это оно, – поскольку пару секунд он не убирал руку с моим грязным полотенцем я взял комок промокших салфеток с груди и положил ему всё сверху полотенца.

– Забирай и уходи.

– Выпейте сегодня, – мы оба посмотрели на стакан.

– Я уточнил, укрепления костной ткани не будет, только выносливость к утратам.

– Что? – я ещё раз посмотрел на подобное маске неестественное лицо Иофиса. Он не ответил.

– О чём вы?

Почти с поклоном Иофис отступил в глубину коридора и пошёл налево, он так и нёс моё полотенце с салфетками на вытянутой руке. Он не сказал больше ничего. Никакого спасибо и до свидания. Словно в момент передачи для него началась новая глава. Я прикрыл дверь и вернулся в ванную чтобы осмотреть рану. Помыл кожу вокруг стихающего на глазах отёка жидким мылом и приложил немного туалетной бумаги. Потом вдруг вспомнил, что в куртке у меня может быть пластырь. Я перебирал карманы и искал его, пока не понял, что это было давно и в другой ветровке. стакан всё это время стоял, выдаваясь вперёд своей совершенной гранёной формой. Яркий на фоне асфальтового цвета дверцы отельного сейфа. Я поднял его и посмотрел на просвет. стакан был из ресторана, я пользовался таким в первый день. Содержимое напоминало «Фанту», если бы в неё капнули немного томатного сока. Это могла быть чья-то кровь. Кто-то так же утром проснулся и выдавил из себя желтизну с прожилками крови из образовавшейся раны. Может это моча? Я покачал стакан и принялся. Ничем не пахло, жидкость перекачивалась, скорее как желе, чем как вода или моча. стакан отправился на своё место к сейфу. Я попробовал ещё поспать и у меня получилось.

Проспать завтрак – это грех для меня. Будучи в коман-

дировке, завтрак, это важнейшее событие дня. Бесплатное и обязательное к посещению. Ритуал начала работы. И вот момент пришёл, я впервые проспал приём халявной пищи. Примерно в половине двенадцатого, после душа и кратких сборов, я собирался спускаться натошак, к ресепшн, к такси, к своей другой некомандировочной жизни. Рана-дыра на груди покрылась тонкой корочкой и мало беспокоила, краснота и отёк почти прошли. Я натянул футболку, сверху рубашку и старался не думать об этой патологической ночи. О всех фантастических странностях Иофиса. Я решил никому не рассказывать эту историю, потому что моя роль в ней была непонятной и даже местами глупой. Возможно я рисковал сильнее, чем показалось. Как хорошо, что через несколько часов «Сапсана» у меня почти не останется поводов вспоминать обмен своего гноя или лимфы на стакан мочи. Я подхватил ноутбук, проверил не забыл ли забрать зубную щётку и зарядное устройство, кинул в карман отельные упаковки кофе и вышел. Специально даже не посмотрел на стакан на полке. Пусть горничная разбирается что там. С поклажей, скорым шагом, я не чувствовал себя больным и усталым. Смог поспать под утро крепко. Мне не терпелось уже проверить рабочую почту – яркий признак полного здоровья. Перекусить можно в поезде. Всё заканчивается. Тупые тренировки, сумасшедшие жители отеля, медленные эскалаторы Питера, однообразные завтраки, всему приходит конец. Вот и моя часть истекла, до свидания.

Тойота тащилась одинаково медленно что до шлагбаума отеля, что до первого перекрёстка и далее, как улитка в правой полосе Лиговского пропуская автобусы. Шофёр словно знал о моей привычке приезжать на вокзал за два часа до отправления. Мы с ним, с тойотой, никуда не спешили, просто морально торопились закончить здесь с делами. Таксист вёз меня на вокзал – портал домой.

Опираясь на длинные локтевые отростки, служитель подошёл к Подстастителю Сочива. Согнув каждое из своих шейных сочленений, служитель далеко выставил перед собой пястные конечности. В них, обёрнутая в желчный пузырь камнееда, блестела чаша. Похоже она была выполнена из глазницы какого-то давно побеждённого врага рода. В чаше, занимая около её трети, плескался молочный, густой, возвышающийся над плоскостью жидкости, настоящий аргх. Присутствующие округлили дыры до максимальных значений. Тусклый свет Кольца проник в их черепа и должен был помочь запечатлеть для потомков чудесный миг вкушения аргх. Подсластитель Сочива с трудом сдерживаясь подошёл в протянутому сокровищу. Его син хотел немедленно поглотить аргх и начать поход в логово камнеедов чтобы осыпать их детёнышей сладостью, выжигающей очи и кожу. Его хар уже придумал план захвата не одного логова, а всей видимой части неба под Кольцом. Древние проступили из тумана и вдавлений Колонн чтобы убедиться, что род развивается. Их неслышное дыхание оставляло облачко газа в пу-

стоте. Бестелесные беспамятные, они вспыхнули комочком тьмы над жерлами и благоговейно погасли, когда чаша перешла к владыке. Теперь он владыка. Подсластитель Сочива испил аргх и прислушивался как формируется в нём законченная гармония. Пытка камнееда казалась ему теперь детской забавой. Собравшиеся родственники только малой долей будущих последователей. Кольцо завибрировало и пустило фиолетовую полосу через всё небо. Вселенная признала владыку. В следующий момент, для разминки, он послал ядовитую сладость под пластины младенцам камнеедов на всех лунах и во всех логовах. Миллионы криков раздались за горами. Плато задрожало от массы вонзённых в него клыков, судороги боли и отчаяния трясли земную опору. Одной силой мысли Подсластитель Сочива устранил потомство врага. Аргх действовал. Владыка запрокинул лопаточные крылья, поднял перепонки и пястные кости и дыры его увидели множество миров по ту сторону неба. Он больше не принадлежал к воинам или добытчикам, он стал чем-то огромным и безграничным. Владыка передавал свет Кольца в другие миры чтобы ступить на их плато и выжечь сладостью каждую кожу и все глаза, кому бы они не принадлежали. Во имя рода. Ради славы и величия. Для защиты от внешнего зла.

Такси умудрилось попасть в пробку буквально за сто метров от «Галереи», когда широкий Лиговский не имел препятствий и до вокзала оставалось сущая ерунда. Я задумался, не выйти ли здесь? Заскочить куда-то. Я успею на поезд

даже если пройду десять магазинов. Даже если ковыряться в развале пластинок или искать сам не знаю что в букинисте. Время позволяло не сидеть с поджатыми коленками, я вдохнуть город. Тот самый, что подкинул в эту командировку такие странные ощущения незнакомой сказки и бессмысленности выполняемого труда. Выпрыгнуть почти что на ходу не дало только обстоятельство – внезапная перемена погоды. На улице стало темно. Локальная, но такая концентрированная туча повисла над центром. Капли ещё не падали, было необычно темно как перед сильной грозой. Я вертел головой из машины наблюдая сине-фиолетовое облако.захотелось его сфотографировать. Облачный фронт натурально заслонял солнце. Поглощал его. Редкий феномен быстрой смены погоды вдруг приспичило запечатлеть на смартфон и послать всем своим. Я предложил таксисту притормозить. Выйду. Багажа нет, сумка и ноут уже в руках.

Глядеть на облако через экран телефона было ещё интереснее. Забавно. Он лучше человеческого глаза передавал поток тёмного воздуха в облаке и его фиолетово-лиловый окрас. Понимаю, отчего все мои слушатели как зависимы от своих гаджетов. Это же такая славная игрушка. Она лучше нас, она видит чудеса. Фото, ещё фото. После того как облако стало менять форму я начал снимать видео. И краем глаза видел, что многие на широком тротуаре у «Галереи» делали тоже самое. Это было сложно описать. Тот случай, когда лучше один раз переслать видео, чем час писать в чате. Дождь

так и не пошёл. Облако формировалось во что-то напоминающее радугу или полоску зари, только синих оттенков. Как если бы оно окутало всю землю и уходило далеко за горизонт, прикрепляясь концом не менее, чем к Выборгу. У облака был острый край и широкая полосатая середина расплавленная над домами. Мне пришло в голову, что так, должно быть, с поверхности Сатурна видно его кольцо. Нечто огромное и стабильное, но всё же напоминающее гигантскую радугу. Переливающееся, вращающееся лентой вблизи планеты. Солнце не было видно или его скрыла радуга-кольцо. Я подумал так потому что кольцо стало изнутри светится. Оно заменило свет солнца, хотя не было таким ярким. Вспоминалась лечебная синяя лампа из детства которой бабушка лечила то ли мою ангину, то ли ветрянку. Я перестал снимать и думал об Иофисе. Мне вспомнились все его странные слова и длинные руки. Кольцо. Заныло место карбункула и закололо в глазах. Тишина сосредоточенности на явлении природы вдруг завершилась. Женщина, стоявшая недалеко от меня, ошеломительно громко закричала и обхватила себя руками. Как если бы ей внезапно стало очень холодно или больно. Слева от меня мужчина резко сел на корточки и крича нечеловеческим звериным звуком, переходящим во рвоту, стал обеими руками царапать глаза. Другие люди побежали от них в сторону выхода из метро. В неплотной толпе бегущих высокий подросток завизжал и тоже сел на плитку хватаясь за голову. Я обернулся, мой таксист уехал. Несколько

человек вдоль улицы стояли словно загипнотизированные и смотрели на облако-радугу. Они плакали с широко открытыми глазами.

Захотелось немедленно вернуться в отель, в номер, где стоял стакан с жёлтой жидкостью. Что-то подсказывало мне это. Я побежал в предполагаемую сторону отеля, но остановился через минуту. Что я делаю? Бежать придётся, наверное, час. Мне захотелось поймать машину и я оказался прямо на дороге стуча ладонью по капотам притормаживающих авто. Ноута в руках уже не было, сумка упала под ноги. В ближайшей машине седой старик кричал прямо мне в лицо выпучив глаза и продолжал ехать на меня. Я отскочил. В следующей женщина тряслась как в лихорадке и царапала кожу на лице. Она попала пальцем в глаз и после того стала биться головой о руль. В неё сбоку въехал автобус и женщина содрала лицо вместе с глазами о край приоткрытого стекла дверцы. Множество сигналов машин заглушил крик ребёнка совсем рядом со мной. Всё это вытеснило меня назад на тротуар. Всё окрасилось в синее, на город упала фиолетовая тень, солнца на небе не было. Облако оформилось в чёткую полосу на небе шириной в несколько Лиговских. Я не оборачивался больше на крики и побежал к вокзалу. Большинство людей уже не бежали, а сидели на корточках или на коленях и раздирали кожу на руках или лице. Все кричали, соревнуясь в громкости. У меня жгло в груди, но я бежал пока не показали ступени входов в Московский вокзал. И тут я пе-

рестал бежать. Мне отчего-то стало так грустно, так тоскливо, что я заплакал. Естественно рыдая я постепенно опускался на землю. Я вспомнил сразу все значительные жизненные неудачи и сразу все обиды и ссоры. Я заливался слезами, но старался продолжать движение вперёд. Подставляя ноги поддвигающееся по инерции тело, преодолевал больше и больше метров. Я крепился как мог чтобы не схватиться за голову и не сесть на корточки, как почти все вокруг. Огромным препятствием у меня на пути оказалось тело человека в плюшевом пальто, он лежал на боку и выл как животное. Мне было так грустно, навалилась такая слабость, что я не мог перешагнуть или обойти лежащего. Я застыл перед ним как перед стеной. На моё счастье, человек в пальто стал извиваться и двигаться змеёй в сторону, освободив мне путь. Стариковскими шажками, плача и держась за место карбункула я топал в вокзал. Сил хватило только добраться до желтоватых деревянных дверей. Забраться на первую ступеньку у меня не было воли. Я тихо завыл и посмотрел наверх, на второй этаж, на радугу-кольцо. В этот момент мои слёзы сползли на щёки, и я увидел его. Высоко над деревянными дверями на корточках прямо на стене сидело нечто напоминающее безобразную летучую мышь размером с человека и с лицом морщинистой куклы. Оно, это, имело глубокие дыры вместо глаз, а из колен и локтей выступали длинные серповидные шипы. Оно зашевелилось как бы готовясь слететь вниз, на меня, начало поднимать перепончатые конечности,

которые завершались длинными сухими пальцами. И ещё я различил удивительно похожие на треугольные брови морщины над пустыми дырами в лице. Брови. Ровные, как зажившие хирургические разрезы. Жжение внутри меня усилилось, вспыхнуло в сердце. Боль охватила меня, я кричал уже не переставая. Крик был как бесконечный выдох, что опустил меня на колени перед дверями вокзала и чудовищем над ними. Боль скрутила меня и напрягла все мышцы, сминая шею вниз, между колен, а руки выворачивая за спину. Моё тело не слушалось меня. Крика я больше не слышал, но рот продолжал быть широко открытым, я выхаркивал из себя воздух. Краткая вспышка света перед глазами, наверно от сильной боли и я больше ничего не мог видеть. В наступившей для меня тьме, как после долгого взгляда на лампочку, расходилось во все стороны фиолетовое мерцающее Кольцо.